

АЛЕКСАНДР МАКАРОВ-КРОТКОВ

ОТМЕТИНА

Я был знаком с ними с самого детства. Оба неприметные, однако каждый - с отметиной.

Один тщедушный, кажется, подуи ветер - и нет человека, но под левой лопаткой, было видно, когда раздевался на пляже, канал-то рядом, всегда летом ходили, если только дождя не было, так вот, под левой лопаткой у него слово было нацарапано. Не татуировка, нет. А как будто ножом вырезано. Слово было неприличное, стыдное, как говорила бабушка, хотя сейчас его можно встретить чуть ли не в каждом печатном издании. Но я - воздержусь.

Другой, наоборот, толстый, кряжистый, но мало ли на свете людей средней упитанности. Его отметина была иного рода. Когда, скажем, случалось ему видеть спаривание кошек, или жабу, лежащую на спине, розовым пузом вверх, подергивающую лапками, или горбуна, что, в общем-то, в наши дни возможно крайне редко, поскольку время горбунов, как известно, кануло, издавал он, другой то есть, а не горбун, протяжный жалобный крик, даже не крик, а подобие сладострастно-печального стона, и при этом делал резкое движение левой рукой, вверх-вниз, вверх-вниз, а затем вперед-назад, вперед-назад, словно упражнение какое гимнастическое, и все постанывал при этом. Потом же затихал, оглядываясь по сторонам, улыбался, и будто бы ничего и не было.

Вот, собственно, и все, чем они отличались от остальных мальчишек, с которыми я ходил в школу, играл в настольный теннис, купался в канале. Недавно я встретил их около одной из станций метро. Они о чем-то неспешно беседовали. Они мало изменились с юношеских пор. Я прошел мимо. Я их не узнал.

1997

СВОЛОЧИ НЕБЛАГОДАРНЫЕ

Автобус был переполнен, как и всегда, когда люди ехали с работы или на работу.

Час пик, сказал себе Николай Николаевич. Он ежедневно повторял эти слова, утром и вечером.

Когда же наконец порядок наведут? - спросил его пожилой человек, стоявший сзади.

Когда наведут порядок, Николай Николаевич не знал и поэтому благоразумно промолчал в ответ. На его левой руке повисла невысокая грудастая дама с тремя или четырьмя сумками. Справа стоял беспричинно улыбающийся молодой человек. Поддал, наверно, подумал Николай Николаевич, вот и радуется жизни. Его лицо упиралось в широкую вельветовую спину, было трудно дышать, и он иногда беспокойно крутил головой, при этом ему удавалось увидеть свет в окне, а за окном шоссе, и летящие по нему машины, и прочее, прочее, прочее.

Николай Николаевич был человек уравновешенный, трудолюбивый, хороший семьянин, его ставили в пример на работе, соседи по дому уважали его за справедливость суждений. Повезло Нине Тимофеевне, говорила старушка с третьего этажа, муж у нее и непьющий, и некурящий, и себе на уме.

Автобус передвигался от остановки к остановке. Николай Николаевич подумал, что вот так всегда, утром на работу, вечером с работы, в толчее, лицом в чью-нибудь широкую спину. Потом он вспом-

нил о жене, о том, что его ждет на ужин, и стало как-то радостнее, теплее, и он даже чуть было не подмигнул улыбающемуся молодому человеку, но вовремя сдержал себя. Что это я, в самом деле, так разошелся, подумал он.

В этот миг автобус въехал на мост. Это был, наверно, самый длинный мост в Москве. Николаю Николаевичу всегда становилось немного не по себе, когда он оказывался здесь. Чувство непонятной тоски охватывало его, и хотелось то ли завывать по-собачьи, то ли просто закрыть глаза и разглядывать радужных зайчиков, пробегающих по обратной стороне века. И начинало сосать под ложечкой, и колени вздрагивали, и вообще с ним творилось черт знает что.

Сегодня Николай Николаевич почувствовал приближение моста несколько раньше, чем обычно. Сначала это его насторожило, а затем не на шутку встревожило. Что бы это могло значить? Почему мост так рано дает знать о себе? Неужели се-

годня? Неужели это случится сейчас? Николай Николаевич посмотрел по сторонам. Молодой человек по-прежнему улыбался. Грудастая дама на левой руке не мигая смотрела в одну точку. Народ в автобусе хмуро молчал, надеясь на скорейшее приближение к своему микрорайону. Никто ни о чем не подозревал.

Мост предупреждает меня, решил Николай Николаевич. Я должен спасти автобус, я должен спасти людей. Он почувствовал, как его высохшие мышцы наливаются силой, плечи становятся шире, а в груди появился холодок героизма.

Итак, автобус въехал на мост. Николай Николаевич, сведя глаза к переносице (он считал, что этим достигнет большого эффекта), передавал гипнотические сигналы водителю. Прямо, прямо, только прямо, ни в коем случае не сворачивать, спокойно, не спеша, прямо, так, так, молодец, еще чуть-чуть, прямо, прямо. Вены вздулись у Николая Николаевича на лбу. Напряжение росло. Дергалась правая нога.

Позволив себе крошечную передышку, Николай Николаевич умудрился взглянуть в окно. Проехали только половину моста. И тут он увидел, как машина с воющей сиреной обгоняет их. Автобус резко дернулся вправо, в сторону пешеходной дорожки. А дальше были перила моста, а за ними канал имени Москвы, в ко-

тором лениво плескалась фиолетовая от мазута вода, и редкие рыбы ждали лакомого кусочка. Пассажиры с криками повалились друг на друга. Гражданин, осторожнее, не ложитесь на меня! Товарищи, не помните, товарищи, у меня торт в руках! Локоть уберите, живые же люди рядом, черт возьми!

Николай Николаевич внутренне сжался в комок, тело била крупная дрожь, с бровей капал густой пот. Собрав последние остатки энергии, он протелепатировал водителю: ну же, голубчик, влево руль, влево крути, выручай, брат, не губи, господи господи давай хороший давай так так ну еще а теперь прямо не спеша не торопясь прямо прямо вперед только вперед -----

Автобус давно проехал мост, уже показались за небольшим леском первые дома нужного всем микрорайона, и пассажиры чуть приветливее смотрели друг на друга, когда Николай Николаевич стал приходить в себя. Он осторожно повертел головой, увидел свет в окне, а за окном шоссе, и летящие по нему машины, и прочее, прочее, прочее. Молодой человек справа все так же улыбался. На левой руке продолжала висеть грудастая дама. Широкая вельветовая спина была крепка как стена.

Спас, пронеслось в голове Николая Николаевича, от гибели, от смерти спас, всех, весь автобус, никто не пострадал, все живы-живехоньки. Николаю Николаевичу показалось, что над его головой появился маленький светящийся круг.

Товарищи, друзья, люди, - закричал он неожиданно и громко, так, что стало слышно всему автобусу, - люди, ведь мы же живы все, я же вас спас, от смерти спас, от гибели, я люблю вас всех, товарищи.

Пассажиры начали по возможности отодвигаться от Николая Николаевича. Грудастая дама соскочила с его руки и испуганно смотрела на него. Псих какой-то, послышалось сквозь широкую вельветовую спину. Да у него припадок, промолвил вечно улыбающийся молодой человек, белая горячка. Вы посмотрите, у него же лицо все синее. Допился до чертиков, а теперь людей пугает, хулиган.

Николай Николаевич никак не мог понять, почему так странно реагируют на его ликующие возгласы. Он по инерции повторял: люди, друзья, товарищи, дорогие, ведь мы живы, я же вас спас.

Вытолкнуть его отсюда к чертовой матери, послышалось из вельветовой спины, алкоголик хренов. И тут автобус остановился, и двое дюжих ребят схватили Николая Николаевича за руки и воротник и с громким улюлюканием вышвырнули его из автобуса прямо в черную осеннюю грязь. Двери закрылись. Автобус тронулся.

Как же это, за что, говорил Николай Николаевич, за что, я же вас от смерти спас, а вы? Сволочи! - закричал он, сволочи неблагодарные, так-то вы, значит, да? Сволочи неблагодарные, повторял он сквозь слезы. И вслед за ним эхом отзвывалась чуткая осенняя грязь: сволочи, сволочи неблагодарные!

1986-1987

1997 №30

